

ОТРАЖЕНИЕ РАЗРУШЕНИЯ ЦЕННОСТНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА СССР В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Любая историческая эпоха оставляет после себя определенные знаки, по которым ученые узнают о ее зарождении, развитии, спадах и подъемах, смерти или перерождении. И даже если знаки повторяются у других цивилизаций или просто копируются, они все равно носят свой специфический оттенок, который сложно спутать при визуальном сходстве. Классическим примером является свастика, ставшая атрибутом таких разных духовных феноменов, как буддизм и фашизм.

Без символики не существует идентификации личности внутри народа, общества с государством, потомков и пращуров. Но периодически и само государство переживает системные катаклизмы, которые неизбежно ведут за собой и смену системы символов. Россия только в XX в. пережила два таких периода. Первый произошел в октябре 1917 г., второй – в более длительное время, охватившее конец 1980–начало 1990-х гг., и поскольку он продолжался весьма длительный период, его последствия мы ощущаем до сих пор. Это выражается, в частности, в отсутствии единой семиотической системы. То есть формально она, конечно, существует: официальные флаг, гимн, герб утверждены. Но по-прежнему они вызывают горячую дискуссию в российском обществе. Новая российская государственная власть фактически выпустила из виду формирование системы символов, видимо полагая, что она сама собой установится по росчерку пера.

Памятуя опыт большевиков, на это можно было теоретически надеяться, но практически его следовало все же изучить. В чем можно увидеть принципиальные отличия 1917-го и конца 1980-х? Прежде всего в отсутствии поддержки старой символики среди широких масс населения. Пролетарская революция была победой простого народа, который принял новые символы на основе полной или частичной дискредитации старых. В этой связи полустийный, не поддержанный обществом переход от советской символики к новой российской, изначально означал не закономерную

смену, а начало продолжительных масштабных дискуссий. Важным является и отсутствие кредита доверия. Большевики чем дальше, тем больше его накапливали, а демократическая власть конца 1980–начала 90-х гг. также стремительно теряла. Это естественно отразилось на семиотике, справедливо соотносимой с новым государственным порядком, которые не только не принесли ожидаемого улучшения, но и привели к резкому падению уровня жизни.

Приведенное историческое сравнение не случайно. А. Ван Ганнеп ввел в оборот понятие «обряды перехода», выделив три составляющих: разделение – пограничность – воссоединение. Он отмечал, что при резком переходе (в нашем случае менялись формации) происходит фактическое разрушение старого культурного пространства и возможно создание нового. А пограничье – самая опасная стадия: у культуры общества нет уже прошлого и нет еще будущего. Поэтому ее главная цель – обретение единства во время ритуала. А особенное внимание следует проявлять в условиях далеко зашедшего вырождения старой традиции, и только в этом случае былое единство восстанавливается во время ритуала [1, с. 208–217].

Большевики, в отличие от демократической власти рубежа 1980–90-х гг., сразу стали формировать новое семиотическое пространство, и это стало одним из инструментов консолидации общества.

Символы советской эпохи были действенны и эффективны. Чем же оказались так притягательны новые идеи? «Усталые путники на жизненном пути, люди ищут, от чего можно отдохнуть и чем забыться в сладких мечтах о счастье, пережить хотя бы в воображении это блаженное состояние, где нет ни борьбы, ни тревог, ни тяжелого изнурительного труда. И, несомненно, что именно эти обещания и надежды обуславливают главную притягательную силу социалистических идеалов» [2, с. 206]. Однако данное утверждение весьма спорно. Социализм советского государства не только не обещал скорого рая, но наоборот, призывал к длительной борьбе. В результате происходило аккумулирование духовного подъема; символическая система, созданная советской властью, имела в своей основе выражение социального оптимизма. Эта идея в свою очередь оказала определяющее воздействие на мировоззрение и ценностные установки советского человека. Основными понятиями стали честный труд на благо Родины (и себя как составной ее части), если надо, жертвенность собою или близкими, честность.

Реализация этих постулатов стала своеобразной над-идеей, поставленной выше любой религии, т. к. не только объявляла всю

их совокупность пережитком старого мракобесия, но и давало общественному сознанию квинтэссенцию всех мечтаний каждого народа о светлом будущем. Кроме того, на основе собственного примера жертвенности в корне уничтожался национализм. При чем процесс шел несколько в ином ключе, чем это пытаются представить в 70–80-х гг. XX в., а также некоторые исследователи современности. Заменяя старые символы на новые, советская власть вплоть до перестройки отдавала должное русскому народу, что выражалось во всем: от речей И. В. Сталина до текста государственного гимна. Символы СССР фактически стали символами России, причем настолько глубоко, что внутри страны не было пусть и номинального, но отделения российских коммунистов от КПСС (как в любой другой советской социалистической республике в составе Союза); а за рубежом понятия «Россия» и «Советский Союз» слились в единое целое. В то же время это не означало придания русскому народу исключительных прав, как это было в империи. Уникальность положения заключалась в должном уважении к народу, внесшему наибольший вклад развитие страны. Это в дальнейшем также сыграло свою негативную роль для российской ментальности при развале Советского Союза. Но это не было упущением власти, поскольку требовать создания государственной идеологии и сопровождающей его символической базы с прицелом на ее возможный распад является, по меньшей мере, нелогичным.

Но к началу 1980-х гг. социалистическая система стала пропускать. Правящие круги начали перестройку, которая не только закончилась крахом, но и разрушила само государство. Реформирование сопровождалось падением уровня развития экономики, ухудшением положения граждан, нивелированием авторитетов государства, законности и порядка.

Параллельно происходит отторжение прежней символики, девальвация традиционных норм и правил социокультурного взаимодействия. Сталкиваются и начинают сосуществовать противоположные культурные явления. И те и другие были поддержаны, как ни странно, как государством, так и обществом. Формируются антагонистические образы, доказывающие, что власть и социум лихорадит. С одной стороны, целенаправленное крушение советской системы вело за собой идеологию индивидуализма. Но с другой – коллективизм, который всегда являлся опорой для государственных интересов, не мог быть отвергнут (иначе не станет смысла общества, а за ним и государства как таковых). Стремление к свободе личности принесло ранее неслыханное понимание свободы как свободы от какого бы то ни было труда, как поиска постоянной праздности, что привело к гедонизму. Но аскетизм

также нельзя было сбрасывать со счетов, поскольку государству гораздо выгоднее культивировать его в людях вместо организации достойной денежной или иной компенсации, а в переходное от советского строя время, когда финансовые ресурсы резко исчерпались, это ощущалось еще острее.

Еще одним актуальным вопросом оставался вопрос об отношении к Западу: полностью интегрироваться с ним, зачеркнув советский опыт изоляции, основанной на идеологии, или же прислушаться к антизападным настроениям, постепенно персонифицирующимся в негативном отношении к США? Особенно ярко последнее противоречие прослеживается на примере деятельности Б. Н. Ельцина, то обнимающегося с «другом Биллом», то наносящего ощутимые удары по интересам и престижу Соединенных Штатов.

Символическая составляющая политики стала, как всегда, так и в данный период своеобразной лакмусовой бумажкой идеологии. И если большевики проводили четкую, не терпящую каких-либо отклонений политику, внедряя соответствующую новым порядкам символическую систему, то реформаторы конца 1980–начала 1990-х гг., слабо представлявшие ценность культурной составляющей политики, рушили, не давая взамен, что лихорадило и символику.

Разрушение сложившегося советского культурно-символического комплекса имеет своей причиной и уплотнение символического универсума общества, которое сознательно производилось для поддержания порядка [3, с. 234]. Однако они оказались не только неэффективными, но и в условиях меняющейся политической реальности постепенно возымели обратный эффект. Некогда центральные символы, игравшие роль ориентиров, постепенно выхолащиваются, нивелируются, а затем высмеиваются, порой переходя по значению к противоположности.

В частности, «родная партия», ранее основа государства, не оставляющая без внимания никого, воспринимается как общество личной наживы за счет труда граждан, хотя «богатства» тогдашних партийных руководителей просто меркнут по сравнению с сегодняшним днем в России. «Закрома Родины», заветные запасы, дающие уверенность в завтрашнем дне, постоянно пополняющиеся, сначала упорно признаются мифом, уменьшаются с легкой руки юмористов до размеров щек министра Валентина Павлова, а затем и вовсе превращаются в издевку демонстрацией пустых прилавков. Ленинизм, объявленный знаменем в СССР, с момента дискредитации фигуры В. И. Ленина сам собой оказывается на свалке в прямом (книги среди мусорных куч) и переносном смысле; хотя те, кто приложил к этому усилия, с материалами и знако-

мы не были. Коммунизм, выступавший как цель, превратился из таковой в тупиковый путь развития, а значит, и все усилия по его достижению были осмеяны, что не учитывало достижений страны в 1917–1980-х гг., которые признавались даже стратегическими противниками.

Вообще само понятие «коммунист» как наследник «большевика», т. е. честный, преданный делу, готовый пожертвовать собой ради других (вспомним ставшие крылатыми выражения «прошу считать меня коммунистом», «стреляй в грудь коммуниста», «в восьмом отсеке все просят считать их коммунистами» и др.), постепенно становится чем-то ругательным, символом иждивенца, хотя миллионы членов партии по-прежнему честно и даже самоотверженно продолжали трудиться на благо страны. Постепенно «коммуниста» вытеснил возрожденный «коммуняка», а связь с «большевиком», чей авторитет так и не смогли серьезно поколебать, всячески отрицалась и даже высмеивалась.

Но не только традиционные советские символы осмеивались и трансформировались в противоположные. Терминология, известная всему образованному человечеству, приобрела 1980–1990-х гг. в нашем государстве новые определения и не только ударила по сформировавшейся семиотической модели, но и сокрушила культурные устои. Некоторые исследователи, опираясь на результаты подобных трансформаций, усматривают в этом спланированное действие западных спецслужб или целенаправленную антисоциальную политику власти [4]. Среди примеров можно представить как термины, носившие в определении до метаморфозы негативную окраску и сменившие их на противоположную, так и наоборот, перешедшие от позитива к негативу.

«Демократия». Все, казалось бы, просто – власть народа. Народ выбирает представителей, они работают. Но отрицание советской модели демократии привело к многовариантному копированию западного опыта со всеми негативными сторонами. Мнение народа все чаще стали использовать различные политические проходимцы, на неискушенные головы вчерашних советских людей вылился поток предвыборных технологий, компроматов и лжекомпроматов, большую роль стали играть деньги. Термин «демократ» постепенно стал означать нечестного на руку горлопана за которым стоят «денежные мешки» (или он сам подходит под это определение). Тонкая грань между демократией и олигархией, подмеченная еще в Древней Греции, стала призрачной, а в термин и однокоренные с ним слов стали добавлять на 3 и 4 позиции буквы «р» и «ь», соответственно превращая его вовсе в некультурное словечко.

«Первоначальное накопление». Термин, обозначающий процесс аккумуляции различного рода средств (и прежде всего денежных), которые легли в основу формирования новых капиталистических отношений. Это достигалось многими способами, в подавляющем большинстве случаев не имеющими ничего общего с традиционными законами человеческого общежития, моралью, христианскими ценностями. Согласно формационной теории развития общества, это есть первоначальная, неперенная стадия капитализма. Но в процессе формирования новых экономических отношений, капиталистических по своей сути, на рубеже 1980–1990-х гг. данный символ поменял окраску, стал приемлемым и даже необходимым в обществе, устремившемся снова в ту же «реку». Это создало условия, при которых в принципе несопоставимые с образом советского человека деяния (обман, воровство, убийство и т. п.) стали необходимой нормой поведения успешного, могущественного человека.

«Рынок». «Символ царской эпохи», после упразднения которого был нарушен товарообмен, начался голод, справиться с которым удалось лишь введением продразверстки, которая не могла существовать длительное время. Рынок вернулся с подачи Ленина и постепенно стал восприниматься как сочетание спроса на товар со стороны одного человека, готового отдать за него честно заработанные средства, и предложения производителя этого товара, готового отдать его за предложенную сумму. Однако в процессе разрушения социалистического строя данный символ стал означать неконтролируемый процесс ограбления населения за счет неадекватного взвинчивания цен во имя прибыли, объявленной главной добродетелью надвигающегося порядка.

«Реформы». С течением жизни периодически требуется корректировка курса движения, планов, и даже целей. Реформирование сопровождается любой, даже стабильно идущий процесс. Но установившийся семиотический смысл данного термина изменился, появилось восприятие его как процесса уничтожения всего связанного с СССР, в том числе и достижений в социальном строе, оборонной промышленности, образовании, культуре и т.д.

«Свобода». Возможность распоряжаться собой у человека в советское время была довольно призрачной за счет скованности достаточно большим количеством ограничений, связанных со спецификой общественного строя. Но желанная свобода обрушилась и необходимые ограничения, которые охраняют общество от разрушения самого себя и деформации изнутри. В итоге свобода стала символом вседозволенности, разнузданности, пропаганды насилия и чрезмерного внимания к сексу (в том числе среди несовершеннолетних), крушения культуры.

Рассмотрим еще один синдром конца эпохи социализма – начала современной России, операции с символами. Пожалуй наиболее показательным является их объединение, связавшее воедино ранее несовместимые между собой понятия.

«Красно-коричневые». Великая Отечественная война советского народа расставила все точки в фашистском вопросе. Красное знамя, прикрываемое телами воинов Красной армии, было водружено над рейхсканцелярией фашистской Германии. Казалось бы, в 1945 г. вопрос был закрыт: красные победили коричневую чуму. Но на рубеже перехода к новой России произошла чудесная метаморфоза, или, если быть точным, слияние несовместимых элементов. Реформы Б. Н. Ельцина, обвалившие уровень жизни людей, вызвали протест у широких кругов общества, среди которых, естественно, оказались (а точнее изначально были) просоветски настроенные граждане, объединенные символикой Союза ССР, среди которой одно из ведущих мест занимало красное полотнище. Одновременно происходил подъем русского национального сознания, которое в силу молодости впадало в разные крайности, что дало поводы (опять же в том числе и необоснованные) обвинять его в формировании фашизма. И снова на первый план вышла семиотика, визуально сливавшаяся с национал-социалистической. Так и произошел новый вид (красно-коричневые), растиражированный средствами массовой информации и крайне удобный для власти в условиях принципиальной борьбы с оппонентами. Породив новый символ, руководство страны подавало происходящее не как конфронтацию с широким спектром политических противников (и, следовательно, массами народа), а как ликвидацию ретроградов и вырождаков рода человеческого, объединившихся против «свободной России».

«Совки». Еще одна показательная семиотическая находка. Кампания по бичеванию всего советского остро нуждалась в термине, который станет собирательным для резко отрицательного отношения к наследию СССР. Выделив часть корня слова «совет», получили аудиально созвучное с предметом для сбора мусора, отходов, может, некогда полезных, но теперь годных лишь для урны. Особо «одаренные» креативщики ввели даже в оборот термин «homo soveticus», прозрачно намекая, что советский человек – это скорее и не человек, а недоразвитая человекообразная обезьяна.

«Деревянный рубль». Отсутствие конвертации рубля и как следствие невозможность манипуляций им как на внутреннем, так и на внешнем рынках породили сравнение его с деревом. Оставляя в стороне дискуссии о реальной стоимости советской, а затем российской валюты, отметим, что деньги в советской си-

стеме играли несколько иную роль, нежели на Западе. Если в капиталистических странах они стали эквивалентом всего произведенного, потребленного, заработанного и возможного для использования в личных целях, то в Советском Союзе существовала широкая и многогранная система льгот для граждан, что фактически являлось прибавкой к доходам. Копеечные цены за электроэнергию, газ, жилищно-коммунальные услуги, пребывание детей в дошкольных учреждениях, реальное бесплатное среднее образование для всех вполне можно рассматривать как реальную экономию, обеспеченную государством [5, с. 214]. Это, естественно, не было учтено, поэтому при реформировании и отмене социальных гарантий цены резко выросли, льготы исчезли, рубль «рухнул», и его буквально возненавидело обнищавшее население.

Важным аспектом семиотики рубежа 80–90-х гг. XX в. стало уничтожение вершин пространства символов. В ментальности любого народа есть национальные исторические ориентиры, которые, несмотря на противоречивость, будут вечны. Однако, формируя символическое пространство, советская гуманитарная наука изрядно перестаралась. На наш взгляд, ее главной ошибкой (ответственность за что несет и руководившая партия) является чрезмерное идеализирование и выпячивание положительных сторон символов России. В связи с этим раскрытие любого, даже незначительного, неприглядного факта, плюс домысливание и откровенная ложь привели к низвержению старых символов. Борьба с коммунистическими персонажами в принципе понятна, она вполне вписывалась в уничтожение доброй памяти об СССР. Но раскрученное явление не собиралось останавливаться на достигнутом. Вслед за Сталиным, Лениным и другими досталось Петру I, А. В. Суворову, Г. К. Жукову и т. д., и т. п. И в качестве завершающего удара по семиотической системе выстрелили по самому пострадавшему народу – Великой Отечественной войне.

Последствия такого рода издевательств над символами страны были катастрофическими. Потеряв исторические ориентиры, люди, и прежде всего молодежь, бросились искать для себя новые, и произошло непоправимое – уничтожение менталитета. Самый отвратительный пример – это появление в стране, победившей фашизм, не просто националистов, а приверженцев именно Гитлера!

Но особенно рассмотренные выше процессы затронули визуальные символы. Еще В. И. Ленин особое внимание уделял тиражированию символов в процессе борьбы за власть, акцентировав роль кино и печатной продукции. Поскольку до 70% информации

человек получает благодаря зрению, именно воздействие зрительной семиотики являлось наиболее мощным. Например, персы специально показывали греческим послам свой лагерь ночью, пугая обилием костров войска, на казни сгонялись толпы народа, чтобы изначально зародить страх и послушание, любая цивилизация старалась воздвигнуть монументальные сооружения, доказывающие ее силу.

Советская пропаганда создала целый ряд визуальных образов, которые стали символами первого в мире социалистического государства. При его крушении их трактовка также должна была подвергнуться трансформации. Но здесь произошла весьма существенная заминка. Вербально «пнуть», например, Ленина оказалось легко, а после этого и памятник краской облить или вообще демонтировать. Но как быть с образом Родины-матери, поднимающей своих сынов на смертный бой? На такого рода символы удалось бросить тень, связывая их появление со «лживой» политикой и пропагандой советского государства в целом.

Но, на наш взгляд, интереснее было бы остановиться на других символах советского государства, восприятие которых подверглось катастрофической трансформации. Прежде всего это герб. Обезличенная картинка, не создающая ассоциаций с близкими каждому человеку символами. Главным компонентом его было сочетание серпа (олицетворение крестьянина) и молота (рабочего). Эстетически привлекательное сочетание, наглядно демонстрирующее государственную идеологию. Но вот приходит время краха идеалов, и происходит переосмысление данного символа. Что делают серпом? Ну, с известной долей допущения (вполне безобидной при падении общего уровня культуры) можно сказать, что косят. А зачем молот? Это большой молоток, которым можно забить, например, гвоздь. Но ведь у слов есть еще и иное, даже не всегда сленговое значение. Можно набить трубку табаком, опять же забить его внутрь трубки. А ведь можно и не табаком, а наркотиком для курения. А чтобы его взять, надо его накосить, вот и происходит перерождение символа государства рабочих и крестьян в знак наркомании. Причем одновременно новое значение вбирает в себя черты общепризнанности старого, а старое нивелируется.

В качестве другого примера возьмем порожденную советской системой и поддержанную официально ассоциацию главы государства с вождем. Происходит переход от человека, временно исполняющего определенные функции в государстве, к символу этого государства. В процессе эрозии СССР появились шутки над всеми, начиная с 1917 г. Но особенно досталось Л. И. Брежневу, в

том числе его привычке крепко целоваться в губы с мужчинами-соратниками во время официальных встреч. Кстати, с женщинами такого не наблюдалось. Этот, в принципе обычный в то время и вовсе не им придуманный, обряд стал предметом неисчислимого количества шуток, в том числе и с сексуальным подтекстом. На одной из карикатур фотография Л. И. Брежнева и Э. Хоннекера обыгрывалась как «смертная любовь», на другой у нее появляется осязаемый плод – малолитражка, выпущенная в ГДР, предмет мечтаний восточного немца, безнадежно устаревший еще в процессе проектирования по сравнению с западногерманскими аналогами.

Однако не все символы СССР были нивелированы или подверглись трансформации вплоть до иных значений. На определенном этапе потребовалось воспользоваться устоявшейся семиотикой и ее значением для формирования ментальности граждан новой России. Это коснулось, в частности, непреходящих ценностей. Каким бы ни было государство, но любой его житель желает чувствовать себя защищенно. Одним из таких символов стал Комитет государственной безопасности. Поэтому и со знаками мудрить не стали, заменив советское сочетание «звезда-серп-молот» на двуглавого орла. Схожая по значению метаморфоза коснулась и Звезды Героя. Сохранив прежнюю форму, дизайнеры изменили лишь цвет ленты, заменив советский красный российским триколором. Это означало преемственность традиций, которое передавалось через символы.

Важное место в советской семиотике играла спортивная семиотика. Действительно, сложно не любить и не болеть за тех, кто борется до последнего за честь страны, ну и, конечно, побеждает. В этой связи хоккейная сборная СССР являлась не меньшей по значимости визитной карточкой государства, чем ракеты, атомные корабли или танки. Из поколения в поколение «красная машина», как ее окрестили иностранные журналисты, одерживала одну за другой блестящие победы, годами не проигрывая ни одного матча. Прозвание пошло от цвета формы, которая естественно повторяла государственный флаг. Каждая команда имеет несколько разных по цвету комплектов, но советская дружина запомнилась именно в кумачовом цвете. В переходное от СССР к России время состоялось несколько провальных попыток удержать бывшее величие на льду. И часто можно было услышать комментарии болельщиков, которые не только критиковали игру, но и цвет формы, который стал ближе к новому стягу России. Но постепенно происходит возврат к традиционному колориту, в котором синий и белый цвета играют вспомогательную роль.

В целом неразбериха и чехарда в семиотическом комплексе произвели не только деструктивный эффект, но и породили глобальное безразличие, превратив некогда знаковые и даже определяющие образы в развлечение для туристов ради денег. И речь не только о перепродаже значков, выпелов, иных предметов, которые были символами каких-либо обществ или подразделений. Исторические ориентиры (для кого-то Ленин или Сталин, Николай II) превратились для общей массы в своего рода Хрюшу и Степашку, но только без доброго к ним отношения.

Однако есть противоположная тенденция. Некогда объединенные на основе движения к светлому справедливому будущему в советский народ национальности снова ощущают тягу к общему мирному целостному сосуществованию. И движение это не имеет ничего общего с политическими инициативами власти или экономическими играми крупного капитала. Наоборот, именно ложь сильных мира сего, скрывающих свои истинные намерения, подталкивает к выработке справедливых основ объединения. Это стремление выражается и в семиотике; на основе символов прошлого рождаются возможные знаки будущего, в которых прослеживается желание передать его сущность.

Подытоживая представленный материал, отметим, что непродуманное жонглирование символами сформировало у граждан определенный комплекс неполноценности своего народа. Традиционная ассоциация с предками не представляет собой непрерывной нити, как бы ни старалась официальная пропаганда. А периодически открывающиеся новые факты истории подаются не как взвешенный материал, закрывающий белое пятно в науке, а становятся горючим материалом, уничтожающим очередной исторический ориентир. И особенные «успехи» в этом направлении произошли на рубеже 1980–90-х гг. при разрушении советского государства. Некогда большая советская семья развалилась, а русские стали народом «с непредсказуемым прошлым».

Литература

1. Новикова, М. Символы / М. Новикова // Новый мир. 1995. № 2.
2. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. М., 1991.
3. Царева, Е. А. Фактор символического в трансформациях социокультурных практик: дисс. на соиск. уч. степ. докт. философ. наук / Е. А. Царева. Курск, 2011.
4. Лисичкин, В. Антироссия: крупнейшие операции Запада XX в. / В. Лисичкин, Л. Шелепин. М., 2011.
5. Голенков, А. Империя СССР. Народная сверхдержава / А. Голенков. М., 2010.